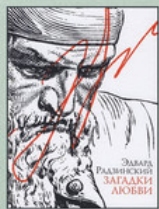

Эдвард Радзинский

Лунин, или смерть Жака

*Часть сборника
Загадки любви*

Эдвард Станиславович Радзинский

Лунин, или смерть Жака

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134513

Загадки любви / Эдвард Радзинский.: АСТ, Зебра Е; Москва; 2007

ISBN 978-5-17-046790-7, 978-5-9713-5932-6

Аннотация

«Я, Михаил Сергеевич Лунин, двадцать лет нахожусь в тюрьмах, на поселениях и сейчас умираю в тюрьме, ужаснее которой нет в России. Все мои товарищи обращались за этот срок с жалобами письменными и требованиями. Я – никогда. Я не унизил себя ни единой просьбой, ибо настолько презирал вас, что не замечал. И сия бумага – не есть мое обращение к вам. Я назвал бы ее моей исповедью. Однако я не буду никоим образом возражать, если Верховная власть ознакомится с моим сочинением. Я решаюсь записать сие в виде диалога... следуя изящным традициям французской литературы и взяв за пример сочинение господина Дидро "Разговор Жака Фаталиста со своим Хозяином"...»

Эдвард Радзинский

Лунин, или Смерть Жака

...И раз навсегда объявляю: что если я пишу, как бы обращаясь к читателям, то так мне легче писать...

Тут форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будет...
Ф.М. Достоевский

Смешок.

Потом зажгли свечу – и тускло вспыхнули золотое шитье и эполеты... Вся глубина камеры оказалась заполнена толпой: лица терялись во тьме, лиц не было – только блестели мундиры...

Потом свечу передвинули – и из тьмы возникли очертания женской фигуры. И тогда старик, державший свечу, протянул к ней руки...

И вновь раздался его сухой, щелкающий смешок.

Старик этот и был Михаил Сергеевич Лунин.

А потом он зашептал, обращаясь туда – в темноту – к Ней: – Сегодня я забылся сном только на рассвете. В груди болело. Сон был дурен... Знобило. И тогда в дурноте я увидел ясно готическое окно и Вислу сквозь него... Был ветер за окном... И воды реки были покрыты пенистыми пятнами. Беспокойное движение в природе так отличалось от тиши-

ны вокруг нас... Ударил колокол... Звонили к заутрене. Я знал, мне нужно обернуться, чтобы увидеть твое лицо. Но я не мог. Я не мог! Я не мог!.. Я так и не увидел твоего лица... Потому что я забыл его!

Смешок.

Он опускается на колени и все тянет руки к женской темной фигуре.

И **она**, беспомощная, темное видение с белыми голыми руками, протянутыми к нему.

В это время в другом помещении два человека обговаривали дело. Один – Поручик **Григорьев**, молоденький, нервный, хорошенький офицерик, а другой – **Писарь** – тоже молоденький, но степенный и огромный.

Григорьев. Чтоб к утру показания у меня на столе лежали... Чтоб я перед начальством все за тобою проверить успел...

Писарь. Насчет проверить – это вы справедливо, ваше благородие... С нами без проверки разве можно?! Только зачем же к утру? Я куда пораньше для вас все сделаю... Сами-то когда управитесь?

Григорьев. К трем. *(Выкрикнул нервно.)* К трем!

Писарь *(обстоятельно)*. Значит, к трем после полуночи, ваше благородие, и я управлюсь. На столе у вас к трем все лежать будет. *(Обстоятельно.)* Перво-наперво у нас пойдут

чьи показания? Какую фамилию мне проставить?

Григорьев. Родионов Николай, ссыльнокаторжный, срок лет, вероисповедания православного.

Писарь (*вписывает*). А остальное я уже записал.

Григорьев. Как... записал?

Писарь. Понятливый, ваше благородие. Как намекнули вы мне в обед, в чем будет дело, я показания и изготовил. Фамилии только и осталось проставить. Перышко-то у меня ох и быстрое!

Григорьев (*нервно*). Читай! (*Кричит.*) Читай же!

Писарь (*степенно, строго читает*). «Я, Николай Родионов, ссыльнокаторжный, вероисповедания православного, находясь в тюремном замке истопщиком печей, второго числа сего месяца...» (*С удовольствием.*) Ан и ошибка... Второе-то число у нас сегодня, а после полуночи... уже третье число будет! (*Исправляя, бормочет.*) Не тот писарь, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо подчищает...

Григорьев (*не выдерживая*). Читай! Читай!

Писарь. Значит, «третьего числа сего месяца пришел топить печь в камеру, где содержался государственный преступник Михаил Лунин. По приходе в оную, спросил я у государственного преступника Лунина о затоплении печи. Но он мне на спрос мой ничего не ответил... Тогда я вновь его окликнул, но он продолжал лежать без движения. Тогда обратился к ссыльнокаторжному...» Какую здесь фамилию проставить?

Григорьев. Баранов Иван, шестидесяти двух лет, вероисповедания православного.

Писарь (*бормочет, вписывая*). «... православного... Каковой вместе со мной, придя в комнату, осмотрел тело, и, не приметив в нем никакого дыхания, положили мы оба, что государственный преступник Михаил Лунин помер...» Далее пойдут показания Баранова Ивана... Я за час их составляю... а потом все перебелю... К трем, ваше благородие, все у вас будет... Только ночи-то у нас холодные... Холодно-то как... Холодно!

Григорьев. Пришлю графинчик.

Писарь. И курева не позабудьте, ваше благородие. И пушай Марфа графинчик-то сама принесет. Не забудьте про Марфу... про Марфу не забудьте, ваше благородие!

Поручик вышел из помещения и некоторое время, поеживаясь, ходил в коридоре перед камерой, где в тусклом свете все так же на коленях, протягивая руки во тьму, стоял Лунин. Наконец Григорьев отворил камеру и вошел.

Григорьев. Добрый вечер, Михаил Сергеевич.

Лунин (*обернулся и некоторое время рассматривал его, будто силясь понять. И только потом поднялся с колен*). А-а-а, поручик. (*Он оживился, даже улыбнулся.*) Рад вас приветствовать в моем гробу.

Григорьев (*вздрагнул*). Зачем же так, Михаил Сергеевич?

Лунин (*глядя острым, волчьим взглядом*). А я теперь этак всех встречаю, поручик. Эти слова у меня вроде присказки. Да и как иначе назвать мою обитель? На днях ревизия у нас была: сенатор приехал...

Григорьев (*торопливо*). Я не знаю... Я в отъезде...

Лунин. Да ничего такого не произошло... не бойтесь... Просто знакомец мой прежний, сенатор, эту ревизию проводил... я его мальчишкой знал по корпусу... Стариком он стал, совсем стариком... Ко мне в камеру заглянул, а на физиономии – участие, мы ведь с ним с глазу на глаз. Рад, говорит, вас видеть, Лунин. А я ему и брякни: «И я вас приветствую в своем гробу». Он так и задрожал. Старики – они про гроб не любят... А вы ведь совсем молоденький... (*С маниакальной подозрительностью.*) Отчего же вы так испугались – «про гроб»?

Григорьев (*торопливо*). Я и не испугался, Михаил Сергеевич. Отчего же мне пугаться... не пойму вас, право. (*Стараясь строго.*) А вот чей портретец вы на стенку повесили – принужден я спросить.

Лунин. И это – знакомец... Жизнь была долгая, Григорьев, и знакомцев в ней: сенаторы, воры, министры, убийцы, фальшивомонетчики, государи...

Григорьев. А это, если не ошибаюсь, государственный преступник Муравьев-Апостол у вас висит?

Лунин (*смешок*). У нас висит... Ну вот, сами знаете, а чего спрашиваете?

Григорьев. Эх, сударь, все вы гусей дразните.

Лунин. Кого дразню?

Григорьев. Гусей... Ну зачем же вы государственного преступника и повесили?

Лунин. Это вы его повесили, любезнейший! А я его не вешал. *(Смешок.)* Фраза?

Последние слова он произносит смеясь, туда – в темноту, в толпу мундиров.

Я ведь шутник, господа...

И Лунин захохотал еще пуще.

Григорьев *(совсем серьезно)*. Не время шутить, Михаил Сергеевич, поверьте.

Лунин *(повернулся и долго глядел на поручика своим волчьим взглядом, наконец произнес тихо-тихо)*. Шабаш?

Молчание.

Когда?

Григорьев. Исполнить надлежит сегодня после полуночи.

Лунин. Пуля?

Григорьев. Совсем иначе, Михаил Сергеевич. Решено,

чтобы никакого вам посрамления не было, дескать, так и так: от апоплексического удара скончались...

Молчание. Смешок.

Лунин. Значит, удавите... Тебе предписано?

Григорьев (*только вздохнул*). Так что должен я обыск произвести в камере... чтобы никакого противозаконного оружия... (*Помолчав.*) Михаил Сергеевич, вы ж понимаете, дело совсем тайное... а я такое на себя беру – вас предупреждаю. Но ведь милосердие должно быть.

Лунин. Что должно быть?

Григорьев (*твердо*). Милосердие.

Смешок Лунина, как кашель.

Нет, не одно лишь милосердие, конечно, а обоюдная польза тоже. (*Медленно.*) Если дадите честное слово подпустить к себе... исполнителей... я ничего обыскивать не стану... Можете сделать в полнейшем одиночестве необходимые приготовления... и помолиться... или написать чего... естественно, без упоминания о... (*Замолчал.*)

Лунин. А как обману?

Григорьев. Что вы, Михаил Сергеевич. Уж если вы свое слово скажете... Да и для вас выгоднее – боли никакой. Я двух человек возьму, они опытные, сноровистые, Родионов

и Баранов. У них, почитай, человек по десять на совести... Только пальцы на горло возложат, и не почувствуете. (*Тихо.*) Если сопротивляться, конечно, не станете...

Лунин. Боишься?

Григорьев. А как же вас не бояться... Вас все боятся, Михаил Сергеевич. Одной рукой девять пуд выжимаете, а если еще пистолетик куда припрячете. Удушить-то вас все равно удушим... но крови-то, крови... А зачем? Я все вам как на исповеди выкладываю, чтобы вы помыслы мои знали: вы – нам, а уж мы вам послужим... Все ваши пожелания да распоряжения передам сестрице вашей и еще кому.

Лунин. Когда удавить думаешь?

Григорьев. В три после полуночи... уж позже никак нельзя. К трем всех заключенных из тюремного замка выведем... вроде на поверку...

Лунин. На случай, если слова не сдержу?

Григорьев. Я того не говорил, только к трем выведем всех! Всех! Из замка!

Долгое молчание.

Лунин. Но условие будет. (*Смешок.*) Насчет шеи моей мы, можно считать, договорились – условие будет насчет глаз моих... Ты знаешь, я католичество принял, чтобы в одной вере с вами не состоять. Оттого, согласишься, увидеть последним смертным взглядом ваши рожи...

Григорьев. Не понимаю вас, Михаил Сергеевич.

Лунин. Священник католический, который к полякам каждый день в тюрьму приезжает, – он и сегодня приехал?

Григорьев. Точно так.

Лунин. Так вот. В час смертный я хочу увидеть его лицо, чтобы он мне глаза закрыл.

Григорьев. Шутить изволите?

Лунин. Послушайте, мальчик, я редко шучу. (*Он холодно и страшно посмотрел.*) Священник закроет мне глаза. Только тогда вы шею мою получите. Если не так, Григорьев, добирайтесь до нее сами. И уж двух, как минимум, я с собой заберу при лучшем для вас исходе.

Григорьев. Но как же это можно? Дело ведь тайное... Я присягу дал...

Лунин. А я уже все продумал... Священника... ты в ту камеру поместишь... со мной рядом... ну, где ты Марфу держишь... (*Смешок.*) А как душить меня начнете... криком его и разбудим.

Григорьев. Да крикнуть-то вы не успеете...

Лунин. А я кричать и не собираюсь.

Григорьев. А кто же кричать будет?

Лунин. А ты... как они душить меня начнут... убийцы-то... так ты сам закричишь. А они тебя поддержат. Сами душить будете и сами кричать! А когда священник прибежит на крик – вы ему: «Так и эдак, все по высочайшему повелению сделано, а твое собачье дело – глаза усопшему

закрыть и тайну соблюсти». Учти: клятву с тебя возьму, и самую страшную, что все так выполнишь... Ты верующий...

Григорьев (*мрачно*). Истинно верующий.

Лунин. А иначе времени не теряй, уходи! (*Грубо.*) Ну, согласен, что ль?

Григорьев. Согласен, как же не согласен, коли вы за горло взяли.

Лунин. Ничего. Сейчас я тебя за горло... а ночью ты меня. И квиты.

Григорьев. Ох, и шутник вы... Ну, я пошел.

Лунин. А клятву... Клятву-то... вслух!

Григорьев. Христом-Богом клянусь...

Лунин. А тех, кто удавит меня... пришлешь ко мне. Григорьев. Не понял, Михаил Сергеевич... зачем?

Лунин. На руки их поглядеть хочу... Это ведь не каждому дано увидеть руки, которые жизнь твою примут. И велишь дать им водки... и поболее... за мой счет... чтоб весело исполняли и громко кричали.

Григорьев. Значит, до трех, Михаил Сергеевич?..

Дребезжащий смешок Лунина. Дверь за Григорьевым закрылась. Стук засова.

Лунин (*женщине*). Как же я не понял?.. Я ведь всегда встречался с тобой накануне. (*Подмигнув в темноту.*) Господа, попались! (*Визгливо.*) Попались!

И, страшно чему-то веселясь, он начинает торопливо одеваться. Он надевает черный шейный платок, потом серебряное распятие на шею, потом шерстяные чулки, кожаные порты, а поверх набрасывает на плечи беличью шубу.

Сам себя обряжаю.

Потом он вдруг впадает в глубокую задумчивость, будто силится что-то вспомнить. Потом тревожно глядит на свечу и торопливо ее задувает...

Чуть не спалил... тогда... зажечь надо... чтобы от двери все виднее было.

И он гасит свечу и зажигает жалкий огарок. А в это время Писарь в помещеньице строчил будущие показания, диктуя вслух сам себе с удовольствием.

Писарь. «А в десять часов пристав дистанции Машуков и начальник охраны капитан Алексеев вошли в комнату, где за караулом хранилось тело умершего государственного преступника... Михаила Лунина...»

В комнату совсем рядом с камерой Лунина быстро входит Григорьев и расталкивает спящую на нарах молодую бабу. Баба долго просыпается и, увидев Григорьев а, счастливо-ле-

ниво тянется поцеловать его.

Григорьев (*отталкивая*). Не до тебя, Марфа! Отстань! И вещи свои собери. Здесь сегодня совсем другой человек ночевать будет...

Марфа. А мы где же?

Григорьев. Быстрее! Быстрее собирайся!

Баба было снова потянулась к нему.

(*Истерически.*) Не до тебя! И в комендантскую графинчик отнесешь!

Марфа (*усмехнувшись*). Кому отнести?

Григорьев. И курева... писарю. (*Визгливо.*) Что смотришь? Русским языком сказал. Писарю отнесешь и в комендантской пол потом вымоешь. Вторую неделю полы не моешь! Если баба полы не моет, она и мух давить перестанет! (*Ион выбежал.*)

Марфа (*задумавшись, сонно напевает, покачивая голой ногой*).

Ой, тошно, ой,
Кто-то был со мной.
Сарафан не так,
И в руке пятак.

В камере Лунина. Лунин, освещенный огарком; в полу-

тьме сверкают мундиры, в стороне силуэт женщины.

Луни. Их разбудят посреди ночи. Они только размякли во сне, но их повлекут на мороз... и плоть их, охваченная холодом, превратится в деревянную колоду. Но даже это бесчувственное дерево пробьет дрожь, ибо они поймут, что без них... там... свершается ужасное... Попались, господа, попались!..

Часы бьют полночь.

Три часа... Три часа – триста лет – три тысячи – все пустые слова. А есть только то, что сейчас. Сейчас я есть. Три часа. «Сейчас»... вечность. (*Задумался.*) Я решился... Есть удивительная загадка, господа: «Улетают слова, но остается написанное...» О, сколько изустных проклятий и воплей тщетно носятся, носятся по ветру! Они бросаются к нам в лицо... вместе со снегом... но мы слышим!.. Да-с... (*Лихорадочно.*) Но стоит записать... пригвоздить вопли к жалкому клочку бумаги, и... (*Смех.*) Ох, какая это загадка. Например: коли я сейчас составлю бумагу, полную противогосударственной хулы... и если сия бумага будет... будет уничтожена! Немедля! Сожжена!.. Все равно как-то непостижимо: «улетают слова, но остается написанное»... Как только я закрою глаза... лакеи... обнаружат эту бумагу! Захватят! Торжествуя, сожгут!.. Но сначала... сначала прочтут! Про-

чтут тайну! Прочтут, упиваясь, счастливо! И запомнят все хулы! Хулы на господина их! Ибо лакеи! А для лакеев нет ничего приятнее, чем когда хулят господина их!.. После чего в придорожных трактирах... потом в гостиных... в дворянских собраниях... а потом уже при дворе самом!., из уст в уста поползет сия исчезнувшая бумага! Ибо (*кричит*) «улетают слова, но остается написанное»!..Итак, тайну... я решился... я посвящаю свою вечность странному соединению пера с бумагой...

Он подходит к мундирам, но те отступают назад. Он вновь подходит, но те молча ускользают. Он бросается гоняться за ними, ока наконец Она – из темноты – не кладет ему руку на лоб... И тогда он тотчас успокаивается.

(*Ей.*) Разговаривать мне с ними – спасение. (*Шепчет.*) Господа, как спастись в тюрьме, ужаснее которой нет в России... Сердцу полезны страдания... Но разум угасает... в грязи, в вони, в мучениях, в обществе убийц и фальшивомонетчиков, где единственное зрелище – публичная порка, которую заставляют меня смотреть! Но я открыл: страдание – пища сердца... а пища разума? Беседа! Воображение! И вообще, господа, что такое воображение? Коли каждую ночь вы будете видеть сон, который есть продолжение сна предыдущей ночи... как вы отличите дневную реальность от сновидений! Воображение, господа, поверьте, это та же

реальность! Ибо после публичной порки... после поручика Григорьева и убийц... возвращаясь в свою камеру, я в воображении учился видеть Магомета и Будду... Я научился беседовать с ними!.. И неужели вы думаете, я признаю после того реальностью физиономию поручика? Поверьте, воображение реальнее реальности!.. Вон там, на белом потолке... в воображении... сколько раз я чертил приплюснутый нос и лысину афинского философа. Я научился различать их одежду... И однажды, господа, когда в очередной раз захлопнулась дверь моей камеры... сразу... вон от того угла... легкой походкой... в белом плаще... почти без усилий моего воображения... шагнул великий Дант!.. Я явственно различал красную полосу на его лбу... от снятого лаврового венка! (*Смешок.*) И тогда я понял: спасен! спасен!..

Он замолкает, потом проводит рукой по лбу.

Однако за дело...

И с каким-то странным усилием он диктует себе и медленно пишет. Читает:

«Я, Михаил Сергеевич Лунин, двадцать лет нахожусь в тюрьмах, на поселениях и сейчас умираю в тюрьме, ужаснее которой нет в России. Все мои товарищи обращались за этот срок с жалобами письменными и требованиями. Я – никогда.

Я не унизил себя ни единой просьбой, ибо настолько презирал вас, что не замечал. И сия бумага – не есть мое обращение к вам. Я назвал бы ее моей исповедью. Однако я не буду никоим образом возражать, если Верховная власть ознакомится с моим сочинением. Ибо – оно для всех! (*Кричит.*) «Улетают слова, но остается написанное!» Я решаюсь записать сие в виде диалога... следуя изящным традициям французской литературы и взяв за пример сочинение господина Дидро «Разговор Жака Фаталиста со своим Хозяином».

Смешок мундирам.

«По рождению своему в стране рабов... я заслужил прозвище слуги Жака. Ну а Хозяин у нас... в России... Итак, предстоит разговор Жака с его Хозяином... в присутствии очевидцев... Согласитесь, господа, что сие якобинство...»

Он замолкает, сидит с поднятым пером и более ничего не пишет. Он погружается в свою больную задумчивость.

В комендантскую входит **Марфа** с подносом, молча ставит поднос с графином перед **Писарем**. А потом, подоткнув подол, начинает мыть пол.

Писарь. Может, за компанию?

Марфа молча продолжает мыть пол.

(*Пьет.*) Сколько названий для нее, проклятой, придумали. Если, допустим, я выпью, то скажут: «употребил». А если портной – «наутюжился». А если кто знатный – генерал, аль кто – «налимонился»... С молодых годков ее пью. Батюшка, родитель мой, дознался – зовет меня... Ну, вошел я и от страха твержу ему: «Не буду пить... точно не буду». А батюшка, родитель мой, и говорит: «Если ты пить не будешь – кто с тобой водиться будет? Водочка, она общество создает... Компанию полезную...» И плеточкой меня, и плеточкой да приговаривает: «Не за то бью, что пьешь, а за то, что дурак. Умный – он пьет, да тихо. Умный, он пьет, да других не пить учит... Так что помни, сынок, все дозволено человекам, все... да по-умному... таясь». Поняла, что ль?

Писарь схватил Марфу, но та будто ждала – она вывернулась, метнулась в угол и замахнулась тряпкой.

Марфа. Так тебяогрею, малый!

А в это время в камеру рядом с Луниным Григорьев ввел Священника.

Григорьев. Озоруют у нас, ваше преподобие... по ночам... Годика три назад тоже один священник приехал... как вы, к полякам. Разместили мы его в корпусе, а утром – с но-

жом в горле... Да-с. Конченный народец. Уж дальше нашего Акагуя – некуда посылать. Тут убийцы – всем убийцам убийцы... Вот я и подумал: вам, чай, с жизнью-то расставаться неохота, и у меня если что – неприятности будут. А тут в камере сухо... и охрана стоит у двери... Тут в камере ночь и проведете...

Священник вдруг бросился к двери камеры, толкнул ее, дверь легко открылась.

(Рассмеялся.) А вы, значит, подумали... Да разве можно такое, без суда да следствия невинного человека? Никак нельзя. А дверь я б на вашем месте не запирал... на ночь – приоткрытой оставил. Все-таки и часовому послушнее... а то ведь окошко хоть зарешеченное, а все ж окошко... Спокойной ночи...

Священник молча кивнул. Григорьев вышел, не запирая двери. Священник опустился на колени и забормотал молитву.

В камере Лунина.

Лунин. Тсс... Стукнула дверь... *(Смешок.)* Какова выдумка, господа... Я позаботился о свидетеле. *(Одержимо.)* Впоследствии священник расскажет... что видел, как при-

душили Лунина... потому что не может он не рассказать... как не могут другие не рассказать. Хоть какую клятву дадут. Ибо еще есть одна загадка, господа: «Кровь вопиет! Кровь человеческая всегда вопиет. Вопиет кровь!» – и это тоже достойно упоминания!

Голос во тьме. Карета Волконского... Карета Чаадаева... Карета Трубецкого... Карета Фамусова...

Лунин. Неужели я вернулся к началу?

Голоса мундиров. Маска, кто я?

Лунин. Я не вижу... Я ничего не вижу. (*Смеясь, он тычется в мундиры, выставив руки, будто он с завязанными глазами.*)

Общий хохот.

Первый мундир (*выступая из темноты*). Маска, кто я?

Лунин. Это детство!.. Мне перевязали глаза... И я осторожно шагаю босыми сильными ножками по нагретому солнцем дощатому полу детской... Смех няни... Игра в жмурки... Я ткнулся рукой в ее мягкий живот.

Первый мундир (*все приближаясь*). Маска, кто я?

Лунин. Нет, нет, это еще прежде детства... Это меня моют в большом корыте... и прикрывали глаза рукой, чтобы не попало мыло. И через ее пальцы я вижу... свое тельце... И та деревянная кукла... с кучей пуль, полученных за веру, царя и отечество, которая ляжет завтра здесь... И то сияющее

тельце...

Первый мундир (*совсем приблизившись*). Маска, кто я?

Лунин. Нет, это уже маскарад!.. Ну, понятно! Как же я не признал! Жизнь начинается с бала, господа. Ах, жизнь начинается с нашего телячьего восторга. С орехового пирога начинается жизнь! Маскарад! Я взбегаю по лестнице во дворец! И вдруг в зеркале на верхней ступеньке вижу бегущего мне навстречу высокого молодого красавца кавалергарда... И понимаю, что он – это я! И задыхаюсь от удовольствия... И через три десятка лет... (*Смеюк.*) Ах, как это все одинаково: жизнь начинается с веры, данной всему молодому, живому: что оно, молодое и живое, – навечно... и что далее – все будет еще счастливее... Бал! Бал! Бал наших молодых обманов!

Первый мундир садится рядом с Луниным, и они слушают.

Голоса мундиров (*из темноты.*) Головки сахара зажжены и синим светом горят на саблях! Гусарский пунш, господа!

– А истории гусарские – французские актрисы!..

– А благороднейшие разговоры! Мы бросались друг к другу на грудь и сладко клялись во всем благороднейшем! Какая была жажда дружбы! Мальчики! Мужи!

– А наши девки, а цыганки!.. А квартальный надзиратель,

привязанный к медведю...

Первый мундир. Мы еще вместе... Все вместе!

Лунин. Бал! Бал!

Первый мундир. Принесли шампанское... и игра возобновилась... Я поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл сонника... Мы еще вместе! Все вместе!

Голоса мундиров (*из темноты*). Загнул паролিপэ... и отыгрался.

— Играю мирандолом, никогда... не горячусь... И все-таки проигрываю! Бал! Бал!

Первый мундир. Маска, кто я?

Лунин. Ты мой старый знакомец... и нынешний министр Киселев... Ты отречешься от меня тотчас, когда...

Первый мундир (*перекрикивает*). Признал!.. Маска, кто я?

Лунин. Ба! Ты мой другой усердный старый друг и другой нынешний министр Уваров!.. И ты тоже... (*Смешок.*) Прежде чем петух пропоет трижды...

Первый мундир (*хохоча*). Опять признал... Маска, кто я?

Лунин. Еще знакомец... Граф Чернышев. Ты будешь допрашивать меня в крепости...

Первый мундир (*вопит*). Признал!.. Маска, кто я?

Лунин. Орлов Алешка! Общие девки... Общие цыганки... Тебя станет просить обо мне моя сестра... Но ты... (*Смешок.*) Орлов Алешка, шеф жандармов и главноуправля-

ющий Третьим отделением.

Первый мундир. Мы вместе. Мы еще все вместе...

Луни. И все-таки это случилось! Все это случилось... на нашем балу. Я хотел бы отметить. На веселом молодом тщеславном маскараде... случилось это! Война двенадцатого года? Каждый раз, прощаясь с жизнью... Радость оставленной жизни?.. Завоеванное пулями право тебе решать судьбу отечества?.. И вот уже замолкли пули, и мнение твое не интересуется... Ты – слуга Жак! Вздвигается бич... а победившее отечество оказывается пугалом для всей Европы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.